

Опаздываю, подумал я, проглатывая на ходу завтрак. Форменный галстук никак не хотел застегиваться и поэтому последовал в карман – потом застегну. Бросил в портфель горсть конфет, полагая, как, впрочем, считает любой сладкоежка, конфеты никогда лишними не бывают. Сделав это умозаключение и наконец покончив со своим туалетом, вышел на улицу. Несколько капель дождя упало мне на фуражку, другие пробарабанили по погонам. «Столько бы звезд туда, а не воды», – мелькнула мысль. И рослый, с мужественным лицом (если верить моей маме) лейтенант заторопился на службу.

Все в этот день радовало меня: робкое апрельское солнце, серые подтаявшие сугробы, свежий набирающий силу весенний день. Я всегда выкраивал немного времени, чтобы полюбоваться бухтой, по которой сегодня, как яичница по сковородке, разлилось ослепительное светило. Конечно, не очень поэтическое сравнение пришло мне в голову. Впрочем, удивляться тут нечему. Когда в течение недели завтракаешь одними жареными яйцами, поневоле везде начнут мерещиться сковородки.

- Дяденька! – мальчишеский голосок прозвучал неожиданно, – дяденька, уберите ногу, а то мой кораблик не может проплыть.

Оказалось, что моя нога стоит в довольно приличном судоходном ручье. Это открытие меня не очень порадовало, поскольку только теперь я почувствовал холод воды в своем ботинке. Но мальчишка был прав, ногу следовало убрать из ручья. Таким образом, она перестала представлять собой навигационную опасность, и кораблик понесся дальше, исчезнув в «Великом водопаде», высотой достаточной для того, чтобы бумажному безумцу исчезнуть навсегда. Я стал свидетелем отнюдь не скупых мужских слез.

- Капитан, будь выше этого. Команда погибла как герои, не издав ни звука.

В ответ раздалось шмыганье носом, которое трудно передать словами.

- Клянусь, я выплачу тебе компенсацию.

- А что это такое компенсация? – еще раз всхлипнув, спросил незадачливый капитан.

- Это значит, я сделаю тебе еще один, нет эскадру, даже армаду таких кораблей.

- А много это, армада?

- Целых семь кораблей, – быстро ответил я, сообразив, сколько можно выкроить из моей записной книжки листов, и подсчитав время для их постройки.

Записная книжка стала на семь листов тоньше. Зато лицо теперь уже шестилетнего командира армады сияло всеми своими веснушками. Это было детское худенькое лицо со щелочками глаз, когда их хозяин улыбался, и с широкими серо-зелеными живыми существами, когда мальчуган становился серьезным. Его шапка, следуя законам физики, давно должна была упасть с головы, но держалась каким-то немыслимым образом.

- Извини, флибустьер, но мне пора на работу.

- На службу, – поправил меня он. – А что такое флибустьер?

- Расскажу тебе после службы, идет?

- Идет! – мы ударили по рукам.

И только когда в конце спуска я поскользнулся, и портфель понесся дальше без моей помощи, вспомнил о конфетах. Время исчезло, растворилось в спешке, выяснении причин, принятии решений – вообще в рабочем дне. Солнце, описав гигантскую дугу,

коснулось финишной ленточки горизонта. Я возвращался домой, бодро напевая что-то веселое.

- Привет! – мой маленький капитан ждал недавнего кораблестроителя.

- Сэр! Лейтенант приветствует вас! – прозвучала с моей стороны ответная любезность.

- Как дела нашей армады? Враги разбиты и улепetyвают? Может быть, твоя команда открыла новую землю?

- Нет, я уже не играю в кораблики.

- А где твои родители, капитан?

- Папы у меня нет, а мы с мамой живем здесь недалеко, она ненадолго отпустила меня погулять после детского садика.

- А как тебя зовут, капитан?

- Сережа.

- А меня зовут Анатолий Александрович Азаров. Сокращенно три буквы «А».

С тех пор малыш встречал меня каждый вечер. Я называл его то капитаном, то малышом, то просто микробиком. Мы быстро сошлись с его дворовой собакой, которая увязывалась за ним всякий раз, когда он шел на встречу со мной. Завидев меня, та всегда виляла

хвостом. Еще бы ей не радоваться, когда конфеты и сахар она поглощала с быстротой, приводившей меня в удивление.

Наши частые встречи с микробиком не прошли незамеченными для моих друзей и сослуживцев. Они прозвали меня «приблудный отец», а мой капитан звал меня «Привет!». Сережа ждал наших встреч. Не знаю почему, но я в свою очередь очень привязался к этому мальчишке. Его живой и острый ум восхищал не только меня, но и моих знакомых. Он был как маленький взрослый, с открытой душой и ярко выраженным чувством собственного достоинства. Даже не верилось, что ему всего шесть лет. Постепенно мой капитан превратился во всеобщего любимца. Бывало, я исчезал на несколько дней, пропадая на сборах или учениях. Разумеется, я предупреждал Сережу, что не смогу с ним видаться в это время, но малыш все равно ждал меня каждый день. Об этом сообщали мои друзья и знакомые. От него я узнал, что звезды похожи на кляксы, на ногах у нас ногти, значит, на руках должны быть рукти.

Никогда не думал, что настолько сильно мог привязаться к незнакомому ребенку, что этот мальчишка станет частью меня самого. Когда я слышал его «Привет», все вокруг словно становилось светлее.

Мне хотелось сделать ему какой-нибудь подарок на память. Я долго ломал голову и ничего не мог придумать. Хотелось, чтобы мой подарок напоминал микробика не только обо мне, но и военно-морской службе тоже. Я много рассказывал моему маленькому другу о кораблях, о море и видел, как начинали гореть его глазенки.

Ответ на вопрос: «Что подарить?», пришел по почте. Несколько месяцев назад офицеры нашего корабля ко дню рождения бригады ракетных крейсеров заказали на Златоустовском заводе наручные механические часы со специальной морской символикой. На циферблате был изображен крейсер и надпись: «25 лет БРК ТОФ». Номер бригады не указывался из-за соображений секретности. Вот эти часы я и вручил Сереже. Правда, мне долго пришлось объяснять ему, как определять время по часам, как их заводить, переставлять стрелку на нужное время. Чтобы часы держались на его руке, я сделал несколько дополнительных дырок в ремешке. В садик и на улицу Сережа ходил без часов, — мама не разрешала. Но зато когда он ложился спать, всегда надевал мой подарок.

Однажды наш корабль ушел в длительный поход. Вернувшись к родному причалу через

несколько месяцев, я на знакомом пригорке не увидел своего капитана. На следующий день он тоже не пришел. Позже мои знакомые объяснили, что мальчик вместе с мамой уехал из Приморска жить в другой город. Название области где-то в центре страны я не расслышал, будто был оглушен.

Друзья, видя мое мрачное настроение, молчали. Они умели молчать, когда нужно. Только командир корабля как-то раз сообщил, что его жена купила в магазине военторга какие-то редкие конфеты и он «урвал» немного для моего капитана. Командир еще ничего не знал об отъезде.

Время, как водится, мирит нас с любыми потерями. Приятели настойчиво советовали обзавестись семьей. Их жены старались познакомить меня со своими незамужними подругами. В конце концов я встретил свою любовь и женился. У меня родилась дочь. Ее нарекли в честь моей бабушки Ниной. Ей недавно исполнилось двенадцать лет. В свои годы она выполнила первый юношеский спортивный разряд по биатлону и плаванию. Дочь дружила только с мальчишками, верховодила в их компаниях. Жена часто упрекала, что я воспитываю ее как пацана. Мол, ей не хватает женственности, она резка и категорична в своих суждениях, упряма и бескомпромиссна. «Ей бы надо было родиться мальчишкой, – бурчала жена, – цены бы ей не было». В ответ я возражал, прибегая к нехитрым, но эффективным аргументам: «Меня месяцами не бывает дома. Дочь воспитываешь ты. В то редкое время, когда наша семья собирается вместе, мне приходится баловать ее, как делают все любящие отцы».

Жизнь в отрыве от семьи все же начала превращаться в большую проблему. Поэтому после очередного короткого и бодрого диалога с женой я начал хлопотать перед командованием о переводе меня на берег.

Через некоторое время я отправился в Севастополь к новому месту службы – преподавателем в военно-морское училище на кафедру кораблевождения. Помимо чтения лекций курсантам первых трех курсов, я проводил практические занятия. На одном из таких занятий я обратил внимание, что у одного из курсантов третьего курса на руке были надеты необычные командирские часы. На циферблате угадывались контуры какого-то корабля, а ниже читалась надпись «25 лет БРК ТОФ».

Откуда у него эти часы? Неужели это Сергей? А может быть, это сын одного из бывших моих сослуживцев? Вопросы закружились в моей голове. На какое-то мгновенье

воспоминания пробились сквозь густую дымку прошлых лет, чтобы заставить мое сердце биться быстрее. С трудом сдерживая волнение, я едва дождался окончания занятий и подозвал обладателя часов. Он был худощав, выше среднего роста, обладал густым низким голосом. Подойдя ко мне, парень отчеканил:

- Товарищ капитан второго ранга, курсант Левицкий по вашему приказанию прибыл.

- Скажите, курсант Левицкий, часы, – я показал на его руку, – подарил Вам отец?

- Нет, отца своего я не помню. Он ушел от нас с мамой, когда мне было два года. Часы подарил один знакомый офицер из города Приморского. Мы с мамой там жили первые семь лет после моего рождения.

- А как звали того офицера не помнишь?

- Нет. Помню, что он угощал меня конфетами, называл капитаном, много рассказывал о кораблях, военно-морской службе, о море. Для меня он был как легенда, как посланец из другого мира, где все мужчины честные, сильные, смелые, готовые защитить всех людей, которые нуждаются в защите. Благодаря ему я решил стать военным моряком и поступил в военно-морское училище. Эти часы я ношу как память о том офицере. Представляете, им уже больше десяти лет, а они ни разу не ломались.

- Левицкий, а вы не помните хотя бы инициалы Вашего давнего знакомого. Всего три буквы...

- Вспомнил, три буквы «А»!

- А теперь скажи, Сергей, на что похожи звезды?

- На кляксы..., – неуверенно и протяжно ответил мой собеседник. – Так это Вы, тот самый офицер?!

- Да, Сергей, мой дорогой капитан, это я.

Мне захотелось его обнять, сказать много теплых слов. Но что-то останавливало, мешала какая-то внутренняя скованность. Возможно, виной тому были посторонние люди, присутствующие неподалеку. Мы стояли, глядя друг на друга, испытывая еще большую неловкость от того, что молчаливая пауза неправдоподобно затянулась. Наконец, справившись с волнением, я пригласил в ближайшее воскресенье Сергея в гости.

Это был теплый чудесный сентябрьский денек, один из тех, которые осень всегда дарит в начале своего восхождения. Легкий ветерок слегка трогал еще зеленую листву на акациях, срывая с них крутящиеся как маленькие вертолеты стручки с семенами. Море теплое и ласковое было обескуражено сиротливо пустующими пляжами, а солнце лениво и неохотно плыло по небосводу, напрасно щадя уже опаленную летом траву.

Сергей пришел вовремя. Моя дочь с интересом уставилась на него. Мой маленький капитан вырос и превратился в мужественного, сильного, умного и к тому же деликатного парня. Они подружались с Ниной. Через два года Сергей окончил училище и получил назначение на Северный флот. Иногда он присылал письма, полные подробного описания рассветов, закатов на море, про сопки и короткое лето. Морская служба не сделала его черствее и циничнее. В душе он оставался романтиком. Далеко не многим удавалось сохранить в себе это свойство души. Служба на корабле сурова и почти не оставляет возможности для чувствительной восторженности. Лишь очень сильным людям суждено любить море, уважать его силу и не обманываться его ласковостью. Пафосный романтик – это спичечный коробок с отсыревшими спичками. Огня от такого не дождешься, а пустые, красивые слова будут изливаться в избытке. Кажется, он добросовестно чиркает спичкой о коробок, а в итоге получается пустой звук. Сергей был не из них. Он любил море по-настоящему и был предан ему.

Моя дочь Нина зачитывалась его письмами, с нетерпением ожидая от него новых посланий. Тот маленький капитан, выросший в молодого сильного мужчину, делился тем, что ему было дорого – штормами, солеными ветрами, ледяной шугой, северным сиянием, желтыми рододендронами на южных склонах сопок и многим другим, что составляло его

жизнь. Нина отвечала на его письма с восторженностью влюбленной девушки.

За три года офицерской службы он заезжал к нам в гости два раза, с цветами и подарками. Второй визит пришелся на день рождения моей дочери, ей исполнилось восемнадцать лет. Сергей сделал Нине предложение стать его женой. Мы с супругой не стали препятствовать их любви. Через год у молодой пары родился сын. Его назвали в честь меня – Анатолием. Не знаю, какую профессию выберет себе мой внук. Пока он только учится ходить. Но я точно знаю, что однажды родители подарят ему на день рождения отцовские наручные часы.

С годами у меня прибавилось сентиментальности и меланхолии. Но морская стихия по-прежнему волнует мое изрядно оскудевшее воображение. Меня тянет философствовать и вспоминать картинки былого.

Маленький Анатолий не сходит с моих рук. Жду не дожусь того дня, когда смогу рассказать ему о великом морском братстве, о любви, верности однажды выбранному пути и научу его определять время по отцовским часам.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ